

Ирина Дюгаева

Хикикомори Камилла

От человечности. Вот от чего Камиллу тошнило, как от кучи навоза, выдаваемой арт-мейкерами за пирамиду с захоронениями древних богов. От самой причастности к человечеству и гуманистичного требования быть человеческой её выворачивало, как рыбу, выброшенную на берег.

Камилла не выходила из дома две недели и не выходила бы ещё дольше, но её запас энергетиков иссяк, а заказать их на дом было невозможно — ограничение «18+» не позволяло. Энергетики Камилла называла своей кровью, пищу — своей плотью, и без них не было ей жизни. Придётся выйти в магазин. Придётся встретиться с людьми. Придётся держать лицо. Впрочем, лицо она старательно скрыла — натянула шарф до носа и капюшон до глаз.

Это совсем не больно, убеждала она себя, это, как говорят врачи, раз — и всё! Даже комарик большее кусает. А потом вернуться домой, взяться за работу, продолжить писать программу, читать на самых логичных языках, не допускающих глупых исключений и трояких толкований, — на языках программирования.

Взвизгнула молния на куртке, шикнули шнурки на ботинках.

Рюкзак был слегка порван — у замка зияла чёрная микродыра, по-шпионски озирающая квартиру. Обозвав себя дурой, Камилла одним движением закинула рюкзак на плечо и шагнула к входной двери. Ища поддержки, с тоской взглянула на электрогитару, мигавшую бликами у окна в зале. Щёлкнула замком двери, набрала воздуха и перешагнула за порог.

Дальше, как всегда в мире за пределами квартирных стен, всё туманно мешалось, словно во сне.

В магазине пахло мокрым тряпьем, кислой капустой и чистящим средством. Камилла поморщилась и пошла вдоль стеллажей. Ей *нужен только энергетик, лишь энергос*, дюжина банок, всего только энергия жизни, механически фасованная мёртвым металлом в алюминиевые сосуды. Ритуальные канопы, продаваемые воскресшим мумиям. Они все — мумии, человеком был один Христос.

Камилле показалось, что она идёт вдоль полок с бальзамированными трупами в древней гробнице.

Она внутренне сжалась, мысленно давая себе пощечину и пытаясь приструнить буйное воображение.

Только энергос, кровь душевных жил.

У мясного прилавка стоял мужчина, он держал в обеих руках пачки с сардельками и поднимал то одну, то другую, словно взвешивая и пытаясь определить, какие по составу подходят для насыщения его плоти, какие станут донором его сытости. Такой важный и глядящий в незримую даль отрешённо и неразрешимо, он как будто взвешивал на весах судьбы свои деяния, одинаково пересолённые и сочащиеся жиром, возможно, выражавшим ненасытность, а возможно, непомерное самодовольство.

Только энергос, энергии вброс.

В коридоре с амброзией, воспаляющей кровь и притупляющей разум, тоже стоял мужчина, высокий, с выступающим лбом и подбородком; он хмуро смотрел прямо перед собой в одну точку и прижимал пса, такого же, как хозяин, массивного шпица, весело улыбающегося чему-то загадочному и никому неведомому. И было похоже на то, что мужчина вымеряет, на сколько бутылей «Шихана» можно обменять своего улыбочивого сфинкса.

Только энергос, иначе уйдёшь бос.

В холодном хранилище белой крови матери-природы расхаживала женщина с волосами, пшеничной соломой торчавшими из-под потёртой серой беретки. Женщина разглядывала молочные продукты с гипнотической зачарованностью. И почему-то водила пальцем вокруг рта, не по губам, а именно вокруг рта, точно примеряя, каких размеров ей нужно иметь рот, чтобы выпить всё млеко мира.

Только энергос, пока не одолел склероз.

В бакалейных рядах, как в чумных ямах с трупами, были навалены овощи-фрукты-плоды земли и деревьев, гниль и падала. И, как сумасшедшая садовница, над ними склонялась изогнутая, с длинной шейей, женщина, напоминающая кобру, только с отвисшим пузом. На кончике носа у неё висела ярко-зелёная козьявка. Или незрелая горошина. Сальные волосы облепили лицо женщины и переливались скользким, как на чешуе, отсветом. Одну руку она согнула в кулак и упирала в бок и будто бы заключала про себя, достаточно ли плохи плоды,

чтобы можно было устроить продавцам скандал, а другой рукой почёсывала левое бедро, обтянутое джинсой.

Только энергос, и никаких роз!

Мимо горшков с цветами — к глянцевым пачкам чипсов — к стильно переливающемуся алюминию, расставленному кое-как на многоярусной полке, но этот алюминий тем и примечателен и уникален, что не важно, как его расставлять, — всё равно выглядит экспонатом на модной выставке.

Раз банка (с ягодами) — два (с кокосом) — три (с кактусом) — четыре (уже и не важно) — пять (это мантра) — шесть (моленная посреди захоронений в крипте)...

Тринадцать — на кассе считают долго, долго проверяют товары, пока не протянется одобрительное «пи-и». На покупательницу смотрят самые разные по выражению чувств взгляды, кажущиеся знакомыми, почти родными и оттого невыносимо раздражающими.

Какая-то женщина, оставшаяся в круговороте стеллажей и товаров, отдалённо произносит завет: «Нельзя купить один йогурт или один чай. Непродуктивно так с продуктами делать. Да и неприлично. Надо ещё что-то».

Больше ничего, только энергию, закованную в алюминий!

Дверной замок щёлкнул с усталым треском, Камилла пообещала ему не совершать былой ошибки

и закупаться впрок, чтобы ещё реже выходить из дома. Заперев дверь, Камилла с усилием выдохнула — настоящая героиня, пережившая мясорубку.

С ребячьей бодростью расстегнула куртку, расплела шнурки, бабочкой, вылупившейся из кокона, порхнула в кухню. Запоздало юркнула обратно, выволокла из коридора пакеты. Будто завернутый таинственный подарок, с нетерпением вывалила покупки на пол. Посыпались четыре банки с энергетиком, две с пивом, морковь в упаковке, фасованные яблоки, консервированные горох и фасоль, палка колбасы и узелок сарделек, коробка молока и пачка творога — всё чужие задумки, чужие пищевые привычки, обломки чужого быта.

Камилла скуксилась, еле преодолевая нервную дрожь губ. Она всё делала для того, чтобы никто не вмешался в её жизнь, чтобы паразиты человеческого вида не проникли ей под кожу с их ненасытным желанием править, властвовать и подчинять. И они всё равно... опять... Кого ненавидеть за это — себя или их, сокрушалась она, пока обзлénно собирала разноцветные банки с пола. Нарочито оставила остальные покупки на полу, точно наказанные игрушки.

Внутренней, заглушённой частью сознания она знала, что съест и выпьет это всё. Не сразу, но со временем поглотит, мирясь с вынужденностью положения. Потому что не только энергетик даёт энергию, только пищей сыт не будешь, только влагой не утолишь жажды, в одиночестве не укроешься.